
А. В. САФРОНОВ

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ
СОЗНАНИЯ. ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ НА ПРИМЕРЕ
НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНЦЕПЦИЙ
Э. В. ИЛЬЕНКОВА И Д. И. ДУБРОВСКОГО**

В свете современной аналитической проблематики сознания известная дискуссия Э. В. Ильенкова и Д. И. Дубровского может приобрести еще одно новое звучание. Для Дубровского сознание есть прежде всего содержание, тогда как у Ильенкова оно – только форма. Этот аспект важен при рассмотрении онтологии исторического в сознании. Новое рассмотрение данного спора позволяет исследовать вопрос об онтологическом статусе «сознания как формы» в отличие от «сознания как содержания». При детальном рассмотрении этот вопрос сводится к проблеме: является ли сознание таким же фиксируемым в моменте времени процессом, как все иные процессы, до сих пор известные науке, такие как память и другие? С этой точки зрения историческая онтология сознания, рассматривающая свой объект как историческую форму взаимодействия различного рода общественных и иных отношений, выступает в качестве альтернативы преобладающим сегодня в аналитической философии упрощенной физикалистской и излишне сложной дуалистической онтологиям сознания.

Ключевые слова: Ильенков, Дубровский, форма, содержание, историческая онтология сознания, аналитическая философия.

In the context of modern analytic philosophy of consciousness the well-known Ilienkov – Dubrovsky discussion can be studied from a different angle. Dubrovsky considers consciousness primarily as a content, while according to Ilienkov consciousness is just a form. This aspect of problem is important for the analysis of the ontology of the historic in consciousness. A new assessment of the discussion allows the exploration of the consciousness ontological status problem from a different point of view: “consciousness as a form” opposed to “consciousness as content”. A detailed examination of this issue one reveals a

question if consciousness can be considered as something fixable in time, like all other processes known to science, such as memory and others? From this point of view, the historical ontology of consciousness, which considers its object as a historical form of interaction between different social and other relations, serves as an alternative to the currently prevailing in analytic philosophy simplified physicalism and overly complex dualistic ontology of consciousness.

Keywords: *Ilienkov, Dubrovsky, form, content, historical ontology of consciousness, analytic philosophy.*

Если существует «лакмусовая бумага» в философии сознания, то это вопрос о том, будет ли обладать сознанием полная физическая копия мозга человека. Речь идет, конечно, не о тех проявлениях сознания, которые мы внешне фиксируем у сознательных существ, а о внутренней составляющей – феноменальном сознании в понимании Т. Нагеля, Д. Чалмерса и др. С одной стороны, этот вопрос адресует нас к самым базовым философским понятиям, таким как материя, идеальное и т. д., но с другой – утверждать, что этот вопрос есть вопрос о первичности материи или сознания, или, в актуальной его современной форме, вопрос о монизме и дуализме – все же неверно. На первый взгляд действительно дуалист должен ответить, что физическая копия не будет обладать сознанием, так как помимо материи есть что-то еще, а материалист – что будет, так как материя – это все, из чего состоит наш мир и мы сами. Однако если в отношении дуалиста это скорее всего верно, то материалист далеко не так одномерен. И в этой связи новую актуальность приобретает известный спор советских материалистов, марксистов Э. В. Ильенкова и Д. И. Дубровского. Спор тем более интересный, что представляет собой дискуссию двух материалистов об идеальном.

Прежде чем дать новую интерпретацию этому спору, рассмотрим более подробно поставленный в начале статьи вопрос. Что на самом деле он означает? То есть в чем, по существу, может состоять отличие, скажем, Ивана Ивановича от его полной физической копии, созданной искусственно? Этот вопрос довольно-таки актуален в наше время, так как техника позволяет создавать весьма точные копии человеческого мозга, и если сегодня они еще значительно уступают оригиналу, то через десять лет ситуация изменится. Например, еще в 2013 г. Евросоюз выделил 1 млрд евро на программу изучения человеческого мозга “The Human Brain Project”.

Проект реализуется в Швейцарии под руководством нейробиолога Генри Макрама и объединяет специалистов из 26 стран. В рамках проекта ученые создают точную модель мозга вплоть до синапсов, используя суперкомпьютер и цифровые технологии. Основная задача этого проекта – поиск методов лечения ментальных расстройств, однако на волне общего энтузиазма уже сегодня на мировом рынке появляются компании, которые предлагают просканировать мозг клиента, чтобы в будущем, когда станут доступны необходимые технологии, можно было восстановить его личность. Поэтому вопрос о том, будет ли физическая копия мозга обладать сознанием, перестал быть только гипотетическим.

Здесь, конечно, следует сделать оговорку. В современных исследованиях речь не идет о полной физической копии. Наука сегодня способна воссоздать только нейронную копию, то есть макроструктуру мозга. О копировании мозга на уровне хотя бы атомов, не говоря уже об электронах, кварках и т. д., не может быть и речи. Аналогично невозможно воссоздать и все возникающие в мозге физические поля. Говоря строго, вследствие принципа Гейзенберга, по которому точно могут быть известны либо координаты, либо импульс каждой частицы, полную физическую копию мозга создать в принципе невозможно, вне зависимости от нашего технического уровня. Реально достижима только копия его нейронной или даже молекулярной структуры. Однако данная оговорка ничего не меняет для упомянутого мысленного эксперимента, где речь идет о гипотетической полной физической копии.

Итак, в чем отличие реального Ивана Ивановича от гипотетической полной физической копии, если ставить вопрос гипотетически и в рамках материализма? Ответ вполне очевиден: он отличается только своей историей и конкретным расположением во времени и пространстве, то есть своими координатами. Вопрос о координатах мы временно опустим и рассмотрим исторический аспект. В этом смысле оригинальный Иван Иванович рождается и проходит эволюционный путь от состояния бессознательного младенца до полноценного члена общества, а второй – возникает относительно быстро в результате сканирования и прототипирования как готовый продукт. Если следовать стереотипам физикалистского мышления, то такое различие – история личности – не играет роли.

Коль скоро полная физическая копия Ивана Ивановича содержит все нейронные связи, все физические частицы и поля, расположенные аналогичным образом и имеющие соответствующие импульсы, то она имеет и сознание, причем подобное сознанию оригинала. Для физикализма в сущности нет разницы, каким образом Иван Иванович появился. Но действительно ли это неважно и для материализма вообще? Действительно ли для материализма не играет роли, какова история Ивана Ивановича, а важен только временной срез физических фактов? И здесь мы возвращаемся к упомянутому выше спору двух советских материалистов.

Суть их разногласия, как многократно отмечалось, заключается в том, как именно понимать природу идеального. Для Дубровского идеальное есть субъективная реальность – продукт человеческого мозга, а следовательно, явление в первую очередь индивидуально-биологического характера. Для Ильенкова идеальное, напротив, – свойство общественно-исторического процесса, субъективный образ объективной реальности. Следовательно, несложно заметить, что в «ильенковском» сознании исторический аспект играет огромную роль, в то время как для Давида Израилевича он как бы вторичен, а точнее, излишен, необязателен. Будучи функционалистом, Дубровский придерживается мнения, что одно и то же содержание может быть выражено на разных носителях, и, следовательно, на определенном этапе наука овладеет технологией переноса «души» человека с естественного носителя (мозга, как он считает) на искусственный.

Следует, правда, отметить, что в одной из последних книг Дубровский критикует профессора А. А. Болонкина, который утверждал в 1998 г., что компьютерная модель нейронной структуры мозга может быть сохранена, благодаря чему человек становится бессмертным. Но и в 2007 г. эта критика у него сводится к физическому аспекту: «То, что сегодня моделирует компьютер в своей двоичной системе, имеет крайне мало общего с реальным функционированием нейронов в головном мозгу» [Дубровский 2007: 234]. В целом же философ не спорит с такой возможностью в будущем: «Теоретически мыслима и та новая электронная цивилизация, которая с таким энтузиазмом обрисована профессором Болонкиным» [Дубровский 2007: 235].

Позиция Дубровского в этом вопросе обусловлена двумя убеждениями. Первое из них заключается в том, что мозг является материальным носителем того, что мы называем душой, сознанием. И этот момент часто освещается в связи со спором между Дубровским и Ильенковым, так как последний считал источником души, сознания «нематериальное тело человека», то есть общество, а вовсе не мозг [Самарский 2012]. Но мы хотели бы обратить внимание на другое, значительно более глубокое и, как нам представляется, более важное убеждение, по которому философы расходятся. Это вопрос о том, что есть сознание (как одно из проявлений идеального) – форма или содержание. Все остальные их разногласия удивительным образом проистекают именно из позиции по этому вопросу.

У Ильенкова идеальное есть только форма. «Идеальное – <...> форма духовного производства» [Ильенков 1962: 219–227]. «Идеальное непосредственно существует только как форма (способ, образ) деятельности общественного человека, т. е. вполне предметного, материального существа, направленной на внешний мир» [Там же]. «От структур мозга и языка идеальный образ предмета принципиально отличается тем, что это – форма внешнего предмета» [Там же].

У Дубровского идеальное воплощенное в сознании, напротив, есть именно содержание. Поэтому он использует вместо понятия идеального в основном термин «субъективная реальность». «Вполне естественно утверждать, что всякое явление субъективной реальности (всякое явление сознания) есть информация, ибо оно интенционально, что-то отображает, есть определенное “содержание”» [Дубровский 2007: 125]. В следующей цитате Давид Израилевич обозначает через «А» всякое явление субъективной реальности и называет его «содержанием». «А, как определенное “содержание”, т. е. собственно информация, представленная мозговым кодом типа X, может <...> быть представленной в других типах кодов, например, посредством комплекса графических знаков, набора звуков и т. д.; подобные коды способны существовать вне личностей и независимо от них» [Там же: 127].

Приведенные соображения двух философов показательны. Понимание ими идеального как формы (Ильенков) и как содержания

(Дубровский) носит систематический характер. Даже когда Дубровский описывает, например, явление общественного сознания, он использует понятие «содержание». «Основное содержание индивидуального сознания есть содержание определенного комплекса явлений общественного сознания» [Дубровский 2002: 167]. У Ильенкова, напротив, идеальное, сознание, предстает только как форма, что, как видно, стало наследством гегелевского и марксистского понимания сознания как формы представления вообще. Разногласие философов по этому вопросу и задает тон всей их дискуссии, и в первую очередь определяет различие их взглядов на эволюцию сознания и природу личности.

Начнем со второго отмеченного аспекта о природе личности (хотя этот аспект очень быстро адресует нас к проблеме эволюции сознания). Феномен личности закономерным образом серьезно увлекает обоих авторов. И Ильенков, и Дубровский – оба решают проблему личности, но каждый делает это по-своему. Эвальд Васильевич остается верен своему пониманию идеального как формы, что находит непосредственное отражение и в его теории личности. Личность у Ильенкова не имеет собственного содержания, она как бы «распределена», «растворена» в общественных процессах. И как раз это соображение больше всего вызывает возражения его оппонента, который настаивает на наличии у личности индивидуального содержания.

У Ильенкова находим: «Личность вообще есть единичное выражение жизнедеятельности “ансамбля социальных отношений вообще”» [Ильенков 1984]. Приведем далее относительно длинную, но очень красноречивую цитату Эвальда Васильевича. «Внутри тела отдельного индивида реально существует не личность, а лишь ее односторонняя (“абстрактная”) проекция на экран биологии, осуществляемая динамикой нервных процессов. И то, что в обиходе (и в мнимо материалистической традиции) называют “личностью”, или “душой”, не есть личность в подлинно материалистическом смысле, а лишь ее однобокое и не всегда адекватное самочувствие, ее самосознание, ее сомнение, ее мнение о самой себе, а не она сама как таковая. Как таковая же она не внутри единичного тела, а как раз вне его, в системе реальных взаимоотношений данного единичного тела с другим таким же телом через вещи,

находящиеся в пространстве между ними и замыкающие их “как бы в одно тело”, управляемое “как бы одной душой”» [Ильенков 1984].

Дубровский критикует такое понимание личности. Он пишет, что в такой интерпретации «реальный субъект совершенно испаряется, а вместо него начинает фигурировать общество в целом...» [Дубровский 1971: 185]. Он соглашается с Ильенковым в том, что общественное сознание находит свое отражение в индивидуальном сознании, однако пишет: «Вместе с тем данное индивидуальное сознание может быть в ряде отношений богаче общественного сознания. Оно способно содержать в себе такие новые идеи, представления, оценки, которые отсутствуют в содержании общественного сознания, лишь со временем могут войти в него, а могут и не войти никогда». «...Индивидуальное сознание характеризуется множеством психических состояний и свойств, которые нельзя приписывать общественному сознанию» [Его же 2002: 167].

Разногласие философов по вопросу, что представляет собой личность, органически связано с их взглядами на то, как личность возникает. Или, как ставит эту проблему В. И. Метлов, «что, собственно, эволюционирует» [Метлов 2005]. О чем здесь идет речь? Что отстаивает Дубровский и против чего выступает Ильенков? Вопрос только кажется простым. Совершенно недостаточно сказать, что Эвальд Васильевич придерживается общественно-исторической, а Давид Израилевич – биологической теории возникновения личности, сознания. Ильенков не спорит с тем, что мозг имеет биологическую природу и без мозга невозможно никакое сознание, никакая личность. В то же время Дубровский не отрицает важности общества в формировании индивида, того, что без общества нет и человека. Он многократно подчеркивает это. Вопрос в том, что взять за единицу эволюции личности, сознания. Формируется ли сознание шаг за шагом в ходе эволюционного процесса от одноклеточных до человека, так что и у молекулы можно найти элементы бинарной «сознательности», или оно возникает как высшая форма отражения в общественно-исторической среде. В первом случае единицей эволюции оказывается содержание (материальный носитель, информация), во втором – форма (способ взаимодействия).

Дубровский пишет: «Идеальное необходимо связано с материальным (материей), но вряд ли допустимо утверждать, что материальное необходимо связано с идеальным» [Дубровский 2002: 21]. В этой идее выражается не столько просто материалистическая установка, сколько указание на то, что идеальное оказывается результатом эволюции материи. Но в таком случае должен быть найден момент, когда идеальное «вылупляется» из материи. И Дубровский находит такой момент, когда, по его мнению, содержание (материя) впервые становится информацией. Этот пункт имеет для философа решающее значение, так как, по Дубровскому, сознание и есть вид информации – «информация об информации». Но это не информация как форма, а информация как содержание – переживаемое субъектом интенциональное состояние. Он пишет: «В ходе эволюции произошел переход от одноклеточных организмов к многоклеточным; жизнь многих из них требовала активного передвижения в окружающей среде. Именно эти обстоятельства и привели к возникновению нового типа информационных процессов в форме субъективно переживаемых состояний...» [Его же 2007: 149].

Таким образом, установка, что сознание, личность есть содержание, связывается у Дубровского с биологическим натурализмом. Ильенкова невозможно упрекнуть в том, что он не был материалистом. Но его материализм совершенно иного рода. «А что, если среда есть нечто конкретно-историческое, тогда как?» [Ильенков 1968], – спрашивает он у оппонента. Для Эвальда Васильевича очевидно, что если мыслить человека как совокупность материальных частиц, то «в конечном итоге эта логика с неизбежностью приведет к “социо-био-химически-электро-физически-микрофизически-квантово-механическому” пониманию сущности человека» [Его же 1984: 319–358]. А для такого материалиста, как Ильенков, это неприемлемо.

Для Ильенкова сознание не есть что-то, состоящее из чего-то. Это даже не содержание информации или информации об информации. Для него это явление (а точнее, процесс, форма процесса) скорее соответствует вопросу «как», нежели вопросу «что», в чем сегодня мы нашли бы аналогию с такими авторами, как Т. Нагель, Ф. Джексон и др. Форма – это то, «как» нечто существует. Поэтому

сознание для Ильенкова в каком-то смысле подобно вихрю, но не тому, «из чего» этот вихрь состоит, а тому, «как» он организует некоторое содержание. Этот «вихрь», однако, в отличие от физического вовлекает в свое движение не частицы пыли или иные тела, а динамические отношения (процессы) – общественные, ролевые, предметные, смысловые, исторические. В свою очередь, процессы отличаются от физических предметов в том числе и тем, что они иначе пребывают в мире. Если тела существуют как пространственные конфигурации временных срезов, то процессы, напротив, есть скорее временные, исторические конфигурации. Когда мы передаем сведения о телах, например о звездном небе, то представляем, рисуем, моделируем то, каким оно было, есть или будет в какой-то момент временного среза (например, в рамках светового конуса). Когда же мы сообщаем о «динамических отношениях» между телами, социальными ролями и т. д., мы прежде всего имеем в виду некоторую историю, то есть картину, но не в пространстве, а во времени.

Говоря «как», мы часто имеем в виду процесс или форму взаимодействия. В этом смысле некоторые формы так же существуют во времени, как содержания – в пространстве. Такого рода формы невозможно скопировать, воссоздав только их пространственную структуру.

Мы никогда не узнаем позицию Ильенкова по вопросу, будет ли полная физическая копия человека обладать сознанием. Он не исследовал эту проблему, близкую скорее для современных аналитиков. Однако что-то подсказывает, что он не ответил бы на этот вопрос положительно. Именно Ильенков задается вопросом: «А возможна ли вообще, в принципе материалистически-ориентированная психология?» [Ильенков 1984]. Также ему принадлежит ряд высказываний, в которых он дает понять, что психика в минимальной степени детерминирована чисто физическими свойствами мозга: человеческий мозг потому и обеспечивает человеческую психику, что способы его функционирования в отношении специфически человеческих задач уже совершенно свободны от определяющего влияния чисто биологических, генетически врожденных нейродинамических отношений и связаны ими в минимальной мере [Его же: 145–155].

Ильенков строго придерживался позиции, что сознание воспитывается, формируется в обществе в процессе предметной деятельности. Без воспитания, без деятельности, а следовательно, исторического процесса, нет и самого сознания. Это, в частности, подтверждается позицией Ильенкова по так называемому Загорскому эксперименту. Он был убежден, что воспитание, приобщение к предметной деятельности могут развить эту способность даже у слепоглухонемых от рождения детей. Хотя его оптимизм в этом вопросе разделяли и разделяют сегодня далеко не все. В одном из современных исследований Загорского эксперимента автор указывает: факты таковы, что отсутствие зрения и слуха с самого рождения, как правило, сказывается гораздо тяжелее на развитии человека, чем наступление слепоты и глухоты даже в раннем детском возрасте. Именно факты пока говорят о том, что оптимизм Ильенкова (что даже слепоглухим с самого рождения людям могут быть открыты перспективы безграничного развития) явно завышен [Пушчаев 2013а; 2013б].

Мы не можем судить о том, какой была бы позиция Ильенкова о наличии сознания у полной физической копии Ивана Ивановича, но мы вполне способны задаться вопросом об онтологическом статусе «сознания как формы» в отличие от «сознания как содержания» в этом аспекте. Действительно, по Ильенкову, сознание формируется не как нечто содержательное, обособленное, нечто такое, что может быть запечатлено как мгновенный срез материальных фактов. В его представлении сознание есть исторический процесс, и даже сама форма этого процесса. В данном смысле возникает вопрос: содержит ли полная физическая копия человека также и копию этого исторического процесса? То есть исходный вопрос может быть переформулирован следующим образом: содержит ли срез физических фактов о мозге в определенный момент времени всю совокупность исторических фактов о сознании? Или: содержится ли в материальной копии тела, воссозданной в какой-то момент времени, также и вся его история? Или, напротив, история имеет собственную онтологию, которая не сводится полностью к физическим фактам о текущем состоянии чего-либо?

Так, например, предполагается, что память человека неразрывно связана с нейродинамическими системами головного мозга.

Накопление и хранение информации в мозге – процесс, который редуцируется к физическим процессам. В свою очередь, любой физический процесс обладает таким свойством, что каждый момент этого процесса содержит в себе всю совокупность фактов, необходимую для его продолжения. Физическая информация подвержена закону сохранения по аналогии с энергией (возможным исключением являются процессы в сингулярности черных дыр). Следовательно, физическая копия Ивана Ивановича обладала бы той же памятью (содержанием) о произошедших событиях, объектах, о самом себе, что и оригинал. То есть память, а следовательно, и (по большей части) личность человека, может быть материально скопирована, так как не обладает особой онтологией исторического. История здесь полностью фиксируется каждым моментом времени.

Вопрос заключается в том, является ли и сознание таким же фиксируемым в моменте процессом, как память. По мнению аналитического философа Дэвида Чалмерса, сознание и память человека по своей природе сильно отличаются. При этом, в терминологии аналитической философии, память супервентна на физическом (легкая проблема сознания), а сознание – не супервентно (трудная проблема сознания). То есть вся совокупность физических фактов определяет все, что представляет собой память человека, но не определяет всех фактов о сознании.

Чалмерс так описывает супервентность: «В-свойства супервентны на А-свойствах, если невозможны две ситуации, тождественные в плане А-свойств, но различные в плане В-свойств» [Чалмерс 2013: 55]. Комментируя в этой связи супервентность, например, биологических свойств на физических свойствах, философ дает такую яркую иллюстрацию этому понятию: «Даже Бог не мог бы создать мир, физически идентичный, но биологически отличный от нашего» [Там же: 57]. Однако если биологические свойства, по мнению автора, супервентны на физических свойствах, то сознание – нет. Вероятно, наиболее близким к сознанию явлением природы, которое Чалмерс считает супервентным на физическом, можно считать память. В этом отношении он замечает: «...некоторые супервентные свойства, такие, возможно, как память, легче обнаруживаются с позиции первого лица» [Там же: 136]. При этом,

с другой стороны, утверждается «невозможность логической супервентности сознания» [Чалмерс 2013: 136].

По мнению Д. Чалмерса, объяснить несупервентность сознания на физическом можно преимущественно только с помощью дуалистических концепций, где, кроме физических фактов о сознании, существуют также и нефизические факты. Позиция философа здесь совершенно понятна, но вряд ли является строго необходимой. Вводя дуализм в свою картину мира, Чалмерс, возможно, дает не самое простое объяснение тому, почему сознание не супервентно на физическом. Альтернативой нематериальной онтологии сознания выступает ее историческая онтология, которую мы склонны приписывать Ильенкову и которая проще, так как не требует введения дуалистической картины мира.

Действительно, сознание есть нечто, что не существует вне исторического процесса. Обездвиженная на миг Вселенная не содержит сознания. В отличие от процесса памяти процесс сознания невозможно «остановить» и рассмотреть в статическом состоянии даже мысленно. В каждый отдельный момент времени память представляет собой причинно-следственное звено, срез параметров, задающих дальнейшее разворачивание информационных процессов. В этом смысле сознание в какой-то определенный момент времени не является таким же причинно-следственным соединительным звеном между прошлым и будущим, как память. Сознание, вполне вероятно, напротив, отделяет друг от друга прошлое и будущее, внося элемент свободы в детерминизм будущего. Создавая пространственную копию человека в какой-то отдельный момент времени, даже мысля в рамках материализма, мы воссоздаем лишь детерминированную, объективную составляющую человека, оставляя невоссозданной его субъективность, свободу, так как свобода существует только в истории, то есть во времени, и не существует в пространстве. Воссоздать свободу или сознание возможно лишь в пространственно-временной копии человека, но такой копией может быть только он сам. Ведь пространственно-временная копия человека может иметь место лишь в тех же координатах, что и оригинал.

В отношении спора Ильенкова и Дубровского Андрей Самарский с некоторой горечью замечает: «...как бы мы не восхищались

философским наследием Э. В. Ильенкова, нужно признать, что концепция идеального Д. И. Дубровского на сегодняшний день победила» [Самарский 2012]. Но Самарский описывает победу не Давида Израилевича, а тех глубинных интуиций, на которых построены современные представления о материи и которые делают и человеческое тело, и Вселенную вообще весьма плохими кандидатами на то, чтобы вмещать «чудо сознания».

Главной из этих интуиций является, пожалуй, не подвергаемая сомнению идея, что взаимодействие некоторых сущностей происходит тогда, когда эти сущности оказываются в одном месте и времени. Еще М. В. Ломоносов высказывал идею близкодействия, а ее истинная победа связана с именами Дж. К. Максвелла и А. Эйнштейна. Близкодействие в современном мире – это что-то вроде антонима научной ереси. Если что-то действует на расстоянии без посредника, это кажется «алхимией». За редким исключением парадигма локального взаимодействия сегодня принимается без тени сомнения. В некоторых областях физики можно встретить соображения о телепортации и недоумение по этому поводу, но решительно нигде не встает вопрос о природе локальности, а именно: почему пересечение в пространстве и времени приводит к взаимодействию? С одной стороны, этот вопрос кажется странным, тривиальным. (Разве находиться в одном и том же месте и времени и взаимодействовать не одно и то же?) Действительно, а почему нет? Но, с другой стороны, а почему да?

Теория относительности на это, по сути, отвечает, что пространство-время производно по отношению к причинно-следственным связям. То есть пространство-время есть глобальная каузальная схема взаимодействия материи, это, в частности, подтверждается тем, что материя способна искривлять пространство-время. Однако при таком подходе мы также вынуждены признать, что взаимодействующие сущности должны только благодаря взаимодействию оказываться в одном и том же месте и времени, а не наоборот. Если причинно-следственные связи первичны по отношению к пространству-времени, то непонятно, почему какие-то события во Вселенной могут происходить случайно именно благодаря пространственно-временному фактору. При этом, несмотря на «победу» близкодействия, физика все еще не может полностью от-

казаться от дальнего действия, например в случае квантовой телепортации.

Идея онтологии исторического враждебна для современных физических представлений. Для физика вся история тела заключается в его текущем состоянии, поэтому в онтологии исторического просто нет необходимости для описания почти всех явлений природы. Но, возможно, сознание является именно тем процессом, который требует для своего описания столь странной идеи.

Литература

- Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. М. : Наука, 1971.
- Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М. : Канон+, 2002.
- Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М. : Стратегия-Центр, 2007.
- Ильенков Э. В. Идеальное // *Философская энциклопедия*. Т. 2 / под ред. Ф. В. Константинова. М. : Гос. науч. изд-во «Советская энциклопедия», 1962.
- Ильенков Э. В. Психика и мозг (Ответ Д. И. Дубровскому) // *Вопросы философии*. 1968. № 11. С. 145–155.
- Ильенков Э. В. Что же такое личность? [Электронный ресурс] : С чего начинается личность: сб. М., 1984. С. 319–358. URL: http://royallib.com/book/ilenkov_evald/chto_ge_takoe/lichnost.html.
- Метлов В. И. Диалектика и современное научное познание // *Философия и общество*. 2005. № 4. С. 30–55.
- Пуцаев Ю. В. История и теория Загорского эксперимента. Начало (I) // *Вопросы философии*. 2013а. № 3. С. 132–147.
- Пуцаев Ю. В. История и теория Загорского эксперимента: была ли фальсификация? (II) // *Вопросы философии*. 2013б. № 10. С. 124–134.
- Самарский А. Проблема идеального: о современном состоянии спора Э. В. Ильенкова с Д. И. Дубровским [Электронный ресурс] : Пропаганда. 2012. URL: <http://propaganda-journal.net/5575.html>.
- Чалмерс Д. Сознание и ум: в поисках фундаментальной теории. М. : ЛИБРОКОМ, 2013.